

Чу Юй нашёл под журнальным столиком несколько коробок с играми и спросил Сун Цзиньчэня, что это такое. Тот лишь пожал плечами, предположив, что, возможно, это вещи, которые кто-то забыл забрать, и предложил Чу Юю поиграть, если тот захочет. Сун Цзиньчэнь любил смотреть старые гонконгские ужастики, но Чу Юй, который никогда не боялся живых людей, оказался удивительно пуглив, когда дело касалось призраков. Он хотел посмотреть, но страх брал верх.

Кондиционер работал на полную мощность, и Чу Юй, держа в руке мороженое, крадучись подошёл к Сун Цзиньчэню и устроился у него под рукой.

— Ты же боишься смотреть это? — удивился Сун Цзиньчэнь, ожидая, что Чу Юй весь вечер будет его игнорировать. — Почему ты снова ешь мороженое? Это уже второе или третье?

— Второе, — ответил Чу Юй, положив локоть на бедро Сун Цзиньчэня и устроившись поудобнее. Его юбка задралась, обнажая ягодицы, но он, казалось, не чувствовал ни капли стыда. — Юбка действительно удобная. Думаю, дома больше никогда не буду носить штаны.

Сун Цзиньчэнь аккуратно поправил юбку, прикрыв его ягодицы, а затем провёл рукой по тонкой, извивающейся, как змея, талии, ласково погладив её.

Это было знаком примирения.

Из динамиков раздалась жуткая музыка, и Чу Юй, уставившись на экран, так напрягся, что даже забыл про мороженое.

Кто бы мог подумать о фильме, когда перед глазами такая картина? Сун Цзиньчэнь, улыбаясь, положил руку на голову Чу Юя, а затем резко, но мягко толкнул его круглый затылок. Чу Юй вскрикнул, как кошка, увидевшая огурец, и подпрыгнул на месте.

Он обернулся, с верхней губы до кончика носа у него была размазана порция мороженого. Разозлившись, он начал царапать Сун Цзиньчэня:

— Ты псих!!!

Сун Цзиньчэнь не мог сдерживать смеха, протянув ему салфетку. Чу Юй сердито выхватил салфетку, отодвинулся на другой конец дивана и начал вытирать лицо, при этом злобно облизывая мороженое.

Когда фильм снова перешёл к напряжённой сцене, Сун Цзиньчэнь посмотрел на него:

— Если страшно, иди сюда.

— Не буду тебя больше дразнить, честно.

Чу Юй фыркнул, но всё же подполз на четвереньках, устроился в удобном положении и продолжил есть почти растаявшее мороженое, не обращая внимания на то, что шоколад размазался по рукам, а мороженое капало на дорогую ткань дивана. Пусть лучше всё испачкается, пусть этот мерзавец разорится.

Удивительно, но Сун Цзиньчэнь, обычно помешанный на чистоте, словно забыл о своей брезгливости, лишь обнимал Чу Юя за талию и время от времени поглаживал её.

На экране призрачная рука приближалась к главному герою, и Чу Юй, весь в поту, напрягся. Внезапно он почувствовал холод на ягодичах, а затем чья-то горячая рука коснулась его. Чу Юй обернулся и шлёпнул Сун Цзиньчэня.

Тот уклонился, схватил его за запястье, а затем и за второе. Их руки сплелись, и они начали бороться, словно танцуя.

Растаявшее мороженое упало на ковёр, полужидкие сливки медленно растекались, впитываясь в узоры ручной работы. Чу Юй, оскалив зубы, был прижат к дивану, но одна рука всё ещё тянулась к уху Сун Цзиньчэня. Он не был слабаком и быстро сломал сопротивление, дотянувшись до лица Сун Цзиньчэня. Тот закрыл глаза, поцеловал его пальцы, облизнул промежутки между ними, и каждый сладкий палец был тщательно обсасан, издавая смущающие звуки.

Чу Юй вытащил пальцы и прижал их к груди. Сун Цзиньчэнь открыл глаза, его тонкие веки прижались к нижнему краю бровей, и в его взгляде проскользнула странная глубина чувств.

После начала осени Хунши всё ещё оставался во власти лета.

Лёгкий ветерок, словно несколько нежных рук, ласкал босые пальцы ног, выглядывающие из-под белой юбки, и, смеясь, проникал в комнату.

Сун Цзиньчэнь отложил ноутбук и встал с дивана.

Августовское солнце всё ещё было ярким, но, проходя через зелёный навес на балконе, оно превращалось в тёплый зелёный свет.

Чу Юй, казалось, пробормотал что-то во сне, а может, и нет. Он поджал левую ногу, которую ветерок щекотал, и оба колена спрятались под белой юбкой. На 22 неделе беременности его живот уже был явно заметен, а тело, округлившееся от избытка питательных веществ, выглядело мягким и упругим, словно переполненный кремом пирожок, источая аромат невинности и материнства.

Сун Цзиньчэнь подошёл и вытер пот с его лба.

Если бы не ежедневное наблюдение, никто бы не поверил, что этот маленький мать, созданный из молока и мёда, когда-то был диким парнем с острыми шипами.

Вынашивать ребёнка было нелегко. В первые месяцы его мучил сильный токсикоз, и он едва не вывернул наизнанку свои внутренности.

После 2020 года экономика продолжала стагнировать, и даже Сун Цзиньчэнь не мог позволить себе прежней роскоши спокойного управления делами. Чу Юй любил бегать и прыгать, и только взгляд Сун Цзиньчэня, полный укора, заставлял его на время успокоиться.

После ужина и душа он жаловался на холод, забирался на маленький диванчик у балкона и грелся на солнце. Сун Цзиньчэнь работал в гостиной, наблюдая за ним. Взглянув на него, он видел, как тот разглядывает тень, падающую на живот, а затем, взглянув ещё раз, замечал, что Чу Юй уже свернулся калачиком, склонив голову набок, и тихо похрапывал.

Вдалеке, в лесу, цикады не уставали стрекотать. Было так жарко, что Чу Юй предпочёл созреть под лучами солнца и тёплым ветерком, и Сун Цзиньчэнь тоже вынужден был выйти из тени, чтобы разделить с ним эту жару.

Белая юбка задралась до груди, обнажая нижнюю часть тела. Только беременная рыба могла иметь такой пышный и белый живот. Сун Цзиньчэнь с восхищением гладил его, пытаясь почувствовать те движения, которые Чу Юй описывал как «рыбка, качающая хвостом и пускающая пузыри».

Лобок стал тёмно-розовым, губы постоянно были наполнены кровью, и при нажатии из них могла вытечь вода, обнажая слизистую оболочку влагалища. Сун Цзиньчэнь задержался здесь, умело играя с ещё спящим клитором, наблюдая, как эта маленькая точка, управляющая жидкостями, постепенно краснела.

— Ммм...

Человек во сне проснулся, потер глаза тыльной стороной руки, и браслет на запястье зацепился за ткань на груди, обнажив всё тело.

Раньше плоская грудь теперь стала мягкой и объёмной, ареолы округлились и стали того же тёмно-розового цвета. При движении эти две выпуклости раскачивались, словно внутри них текла жидкость.

— Проснулся? — Рука Сун Цзиньчэня скользнула от паха к животу, прошла через грудь, подмышку и подняла это тяжёлое тело, уложив его на подушку.

— Хорошо спал?

— Хочешь воды?

Чу Юй разгладил волосы на лице, всё ещё находясь в полусне. Он ещё не понял, что его уже разыграли, и улыбнулся сладкой улыбкой, потянувшись к влажной нижней части тела. Ограниченный в движениях животом, он выглядел смущённым и раздражённым.

— Не торопись, — Сун Цзиньчэнь приблизился, прижав лоб ко лбу Чу Юя, и мягко уговаривал его:

— Детка, не торопись.

Чу Юй на мгновение замер, затем вытащил руку и, словно убегая, отвернулся, засунув руку в щель дивана. Он немного порылся и вытащил маленькую коробочку.

Он опёрся на локоть, открыл коробку, высыпал несколько презервативов, пересчитал их, открыл один, а остальные положил обратно.

— Выключи фильм, а то дойдёт до страшного места, и я испугаюсь.

— Не выключу, пусть играет, не обращай внимания. — Лучше дойти до самого страшного момента, чтобы ты мог прижаться ко мне. Сун Цзиньчэнь тихо засмеялся, кусая медовый участок шеи перед собой, где кожа была немного грубой из-за загара и отсутствия ухода.

Белая лента свисала на медовой коже, создавая ощущение масляной живописи. Он развязал узел, который сам же завязал, и подумал о латиноамериканских танцовщицах с оливковой кожей, на чьих изящных шеях висели бусы из слоновой кости.

Чу Юй повернулся, лёг на спину, и ткань, сползшая с груди, обнажила одну бледно-розовую грудь. Он смело взял руку Сун Цзиньчэня и прижал её к груди, начиная массировать её через ладонь.

Его рука была на полпальца короче руки Сун Цзиньчэня, с грубой кожей и короткими ногтями, совсем не похожая на изящные лапки канарейки.

<http://bllate.org/book/15448/1370475>